

Юрий

Щербаков

ХОРОШО ЛИ РОДИНЕ С ТОБОЙ?..

* * *

Смысл жизни... Да на белом свете
Кто сумеет словом и судьбой
На вопрос единственный ответить:
Хорошо ли времени с тобой?

Чи решишься праведные тени
Вызывать сейчас на суд и бой,
Чтобы затушить пожар сомнений:
Хорошо ли памяти с тобой?

Стыд и срам, как листья ветки тонкой,
Ветерок стряхнуть готов любой.
Чем ответишь будущим потомкам:
Хорошо ли совести с тобой?

Ты мечты о счастье не разрушил
Радостной, наивной, голубой?
Заглянуть любимой трудно в душу:
Хорошо ли женщине с тобой?

Вот они, свидетели и судьи –
Время, память, совесть и любовь.
Главное от них узнают люди:
Хорошо ли Родине с тобой?

* * *

Ах, эта мода на казачество,
В которой правила просты:
Гордись наиважнейшим качеством –
Какого цвета лоскуты,

Что прозываются лампасами!
Они, иль как там встарь? – оне

Становятся боеприпасами
В болтологической войне.

Материи полоски узкие –
В них смысл особенный и счёт:
Мол, казаки – совсем не русские –
Отдельный, избранный народ!

Отдельный... Сказано-то метко!
Отдельный... Спорить не берусь.
Но от чего? От славы предков,
Сложивших головы за Русь?

Раздвинувших её пределы
За тридевять чужих земель?
Кто из сынов казачьих сделал –
Из нас – беспмятных Емель?

Емель совсем не Пугачёвых,
Не Разиных, не Ермаков –
Лишь на одно, увы, готовых –
Пускать на печке шептунов

И песни старые дишканить...
Одна забота у врагов –
Чтоб не напомнила вдруг память,
Что нет Руси без казаков!

Коль выветрится дух казачий
На пограничном рубеже,
То быть Руси хлибивой клячей.
Да что там быть, когда уже...

Вот и зовут Емелю с печки,
Вовсю лампасами маня,

Чтобы заморскую уздечку
Надеть, как будто на коня.

Здесь бы по роду и по чину
Закончить гордо этот стих,
Что взнуздывал, мол, казачина
Наездников и не таких!

В лейб-гвардии казачьем взводе
Спросить бы деда моего
Об этом и о новой моде.
Поди, сказал бы: «Баловство!

Природным русским единачеством
Казачья вольница сильна!»
Ах, эта мода на казачество!
Не модничай, моя страна...

* * *

«Я – коммунист,
бандит советской власти!» –
Орал мой дед, идя через село.
Ах, дедово нечаянное счастье –
На месяц лишь в «кутузку» занесло!
А всё бабуля...
Главному с разлёту
Упала в ножки:
«Разголубый мий,
Помылуйтэ босóту и голóту!
Мыкыта, як напьеться,
Вин дурный...»
И отпустили, деда отпустили,
Побитого, учёного – домой.
И постирал бестрепетные крылья
Над сирью страной тридцать седьмой.
Наверно, не в бабулином поклоне
Была судьба, а в том, верней всего,
Что был мой дед незаменимый конюх,
Что чахли кони в стойлах без него...
Как прежде, над запойной головою
Цыганским бубном дёргалась луна.
Но с той поры дорожкой кривою
Шёл молча дед, бледнея от вина.
Кто знает, и узнается едва ли,
О чём шептал у стойла пьяный дед.

А жеребцы понятливые ржали,
Кивая часто конюху в ответ...

* * *

Село как село,
А зовётся станицей...
– Ста-ни-ца! –
Скрипит старичок журавец,
И память врачует
Живою водицей:
Отечество, отчество,
Отче, отец.
С поклоном приму
У колодца бадейку
И мшинок назойливых рой
Отгону,
Чтоб глянул оттуда
Урядник Илейка.
– Ну что, Щербаков,
Признаёшь за родню
Казачье потомство
В девятом колене?
Признал!
Покривился усмешливо рот...
Строй слов дорогих
Да пребудет нетленен:
Родители, родичи,
Родина, род.

* * *

Неужто и впрямь повзрослел
наконец?
А только уже не столица –
Саманный курень, где родился отец,
Всё чаще мне, грешному, снится.
Какие твердыни рассыпались в пыль –
Куда там саманам коровьим!
Но не замечает забвенья ковыль
Родное степное гнездовье.

Как сладко среди бесконечных дорог
На той очутиться дороге,
Где незабытый замьянский песок
Ласкает отвычные ноги.

Где светлым спасением от суеты,
От блуда и делом, и словом,
Поправлю на старом погосте кресты
Лаисцевым и Щербаковым.

Мир вашему праху в родимом селе...
И мир да останется с нами,
Покуда нас держит на доброй земле
Воистину вечная память.

* * *

Родимые мои солончаки,
Степные бесконечные пространства!
Видать, в роду все были степняки,
Коль я боюсь лесного окаянства.

Его глухой чащобной полумглы,
Где пробирают шорохи до пяток,
Как будто ждёшь разбойничьей
стрелы
От злого лесовина меж лопаток.

Иная стать – обветренный простор,
Где дастархан степи – до окоёма!
Здесь пращурсы мои со скифских пор
Извеку были не в гостях, а дома.

Казачья воля – воздавать сполна
По-разному непрошеным и званным.
Казачья доля – не жалеть вина
И не считать полученные раны!

Казачья кровь – что панцирь для земли:
Пуускай шумят нелюбые дубравы!
За их покой ложились в ковыли
Навеки богатырские заставы.

Не с тех ли пор казачьего клинка
Блуждают в небе звонкие осколки?
Гляди, не он ли нынче в облака
Врубился над излучиною Волги!

* * *

Лихие времена –
Что водка без закуски.
Расхристанной душе
Ядрёный хмель – во зло.
Прости меня, земля,
Что я остался русским,
Что нам с тобой вдвоём
Вот так не повезло.
Что горький жребий наш –
Нерусская удача,
Что пропили свою,
Которой – грош цена,
Что незачем мостить
Нам, грешным, Стену Плача –
Готова ею стать
Не каждая ль стена!
Прости меня, земля,
Что я не стал героем,
Что память занесёт
Забвения песком...
А только день пришёл –
И раскопали Трою.
О, дай мне стать твоим
Последним черепком!
Чтоб кто-нибудь ожёг
Его прищуром узким,
И, отыскав ответ
На каверзный вопрос,
Над этим черепком
Одно лишь слово:
«Русский?»
Когда-нибудь ещё
С надеждой произнёс.

* * *

Запуржило опять, запуржило.
И стозевна, и яра во мгле,
Заметают родные могилы
Злая сила на русской земле.

Счастье тем, кто навек упокоен.
Горе зрящим погибельный блуд.
Обречённо кресты колоколен
В бесовской снеговерти плывут.

Поле вражьих побед – поле брани –
Кроют ветры могильным холстом...
Но выходит из дому Сусанин
И себя осеняет крестом.

* * *

«Трансваль, Трансваль, земля моя,
Ты вся горишь в огне!» –
Откуда дед мой это взял,
Что пел когда-то мне?

Пел с настоящею слезой
Он много лет назад.
Его украинской весной
Вишнёвый слушал сад.

Он останавливался вдруг,
Рукой чертил в пыли:
– Вон там, где хутор Балайчук,
Людей фашисты жгли!

Дрожала дедова рука,
Дрожал его фальцет:
– Злодейство это на века
Запомнил белый свет!

А я запомнил майский сад,
Как недопитый сон,
Как облака над ним летят
К Одессе на поклон...

С тех пор полсотни лет прошло,
И снова мир во зле.
Стоит по-прежнему село,
Но на чужой земле.

Гляжу в экран, и худо мне,
Я опускаю взгляд –
Там люди вовсе не во сне,
А наяву горят!

Опять беда одна на всех
И общая вина
За этот неизбывный грех:
СС. «Галичина».

И слышу снова деда я
В душевной глубине:
«Трансваль, Трансваль, земля моя,
Ты вся горишь в огне!»

Нет, Новороссия жива!
Земля моя в бою!
И эти дедовы слова
Я внуку пропою!

Малыш, скорее подрастай
Для радости земли!
Чтобы назвать победным май
С тобою мы смогли!

НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

*Теперь у России два Куликовых
поля: одно – меж Непрядвой и Доном,
другое – в Одессе, на площади, где
собираются антифашисты.*

И снова мы на поле Куликовом –
Не в переносном смысле, а в прямом
Решается в сражении суровом –
Останемся ли Русским Языком?

А что чернеет там, за нашим станом?
Не Русского ли морюшка вода?
Сегодня называется Майданом
Проклятая Мамаева Орда!

Пускай не генуэзская пехота,
Но всё равно наёмнический сброд –
Неужто же ещё не понял кто-то,
Что лютый враг сегодня у ворот?

Что снова, будто встарь, судьба России
Решается на этих берегах?
Неужто всем народом не осилим
И нового нежданного врага?

Пускай князья продажные трусливы
И всяк купец наживой обуян,
Но неужели под Славянском взрывы
Да не разбудят дремлющих славян?

Отдёрни, память, времени завесу,
 Чтоб вспомнили мы вместе наконец,
 Как штурмовали Харьков и Одессу
 Наши полки. А с ними – мой отец!

* * *

И в Астрахани есть «Юго-Восток»,
 А в нём живут одни сепаратисты!
 Сепаратисты грязной и небыстрой
 Реки Кутум, что подарил им Бог.

Сепаратисты вечных камышей,
 Песка и глины, на которых толком
 Умеет жить один печальный тополь,
 Не окуная в соль своих корней.

Зато людей Господь пересолил,
 Как будто астраханскую воблешку!
 И потому совсем не понарошку
 Мы носим в жилах соль своей земли!

А если завтра скажут: «Откажись
 От голоса своей солёной крови,
 Заговори на европейской «мове»,
 И станет сладкой и счастливой жизнь!»

Исполнятся заветные мечты
 И заживёшь легко, по-человечьи!
 Неужто вскинешь автомат на плечи
 И умирать пойдёшь на блок-посты?»

Как это просто: несколько минут –
 И соблазнимся мы дешёвым раем!
 Да, Родину никто не выбирает,
 Но вместе с жизнью, верно, отдают!

* * *

Неужто безмятежье – грех?
 Хоть спорьте, хоть не спорьте,
 А мысли, как нежданный снег,
 Приходят на курорте.

И невесомые кружат
 Над кисловодским парком,

Всерьёз одаривая март
 Сомнительным подарком.

Лежит в аллеях тишина
 И благостность – на лицах...
 Неужто прежняя страна
 Уже не повторится?

На Хаме оборвётся нить
 Или на добром Симе?
 В России нашим детям жить
 Иль впрямь – после России,

Когда мы дружно втопчем в грязь
 То, что нам дали предки?
 ...Вон шишка тихо сорвалась
 Навек с сосновой ветки.

Но для неё звучит «навек»
 Совсем не словом чёрным.
 Сосна – она не человек,
 Разбрасывает зёрна.

Как будто мир не пьёт иуд
 Предательского яда.
 Взойдут ли всходы, не взойдут,
 А только сеять надо.

* * *

Человек, пришедший неспроста,
 Молвил, не нарушивши обычай:
 «А у вас красивые места!»
 Только мне послышалось:
 «Добыча...»

Ты побудь, заезжий человек,
 Гостем наших низовских окраин.
 Он ответил: «Гостем? Хоть навек!»
 Только мне послышалось:
 «Хозяин...»

Выбирай подарок по нутру –
 Я заветы предков не нарушу!
 Он ответил: «Разве что икру!»
 Только мне послышалось:
 «А душу?»

* * *

День пропах вишнёвым садом,
Шпал распаренных смольём,
Дётгем, сеном, самосадом,
Пылью, тронутой дождём.

Пахнет мятой и ромашкой,
Полынком и чабрецом,
И армейскою фуражкой,
Мне подаренной отцом

На дорожку. Пахнет срубом
И колодезной бадьёй,
Кукурузным пышным чубом
И дорожной колеёй.

Пахнет разомлевшей речкой
И расшитым рушником,
Необъятной летней печкой,
Свежим хлебом и борщом.

Мазанки белёной глиной
И соломой на полу.
Самой пышною периной
И лампадкою в углу.

Пахнет бабушкой и дедом.
Нет роднее этих двух
Астраханским непосадам...
Отпуск. Детство. Русский дух.

* * *

Переживём июнь,
А дальше будет легче –
Отхлынет мошкара,
Притихнет комарьё.
Проверим на себе,
Как нынче время лечит,
Забудем про жару
И дачное ворьё.

Переживём июнь,
И, может, стыд остынет
За горе-воевод,
Противших Русский Крест,
За мировой разбой
На Косовской равнине,
За то, что стыд – не дым
И очи нам не ест.

Переживём июнь,
И овощ в огороде
Даст чудные плоды,
Отринувши ботву, –
На удивленье всем!
Как в том далёком годе,
Когда вошли полки
Пожарского в Москву!

